

УДК 81

**Знаки культуры
в художественном тексте:
методический аспект проблемы**

Ю. Е. Прохоров

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

E-mail: yury.prokh@yandex.ru

Научная статья

В статье рассмотрен один из видов «знаков культуры» – знак-признак ориентации в природной среде. Эти знаки являются одним из базовых элементов любого художественного текста, созданного на определенном языке и принадлежащего определенной культуре. «Материальное пространство» произведения организуется использованием этих знаков в трех основных целях: 1) воспроизведение действительности; 2) воссоздание действительности; 3) создание действительности. Для реципиента созданные тексты могут рассматриваться как «реальные», «квазитексты», «виртуальные тексты» и «латентные тексты». Особое значение это имеет для понимания текста носителем иной культуры.

Ключевые слова: знаки культуры, действительность, текст, дискурс; воспроизведение, воссоздание и создание действительности

**Cultural signs in literary text:
methodological aspect of the
problem**

Y. Y. Prokhorov

Saint Petersburg State University

Scientific article

The article describes one of the "cultural signs" types – the type of sign that can be considered as a characteristic of orientation in the environment. These signs are one of the basic elements of any literary text created in a certain language and belonging to a certain culture. "Material space" of writing is organized using these signs for three main purposes: 1) reconstruction of reality; 2) recreation of reality; 3) creation of reality. For recipient these texts may be regarded as "real", "quasi-texts", "virtual texts" and "latent texts". This is especially important for understanding of text by culture-bearer.

Keywords: cultural signs, reality, text, discourse; reconstruction, recreation and creation of reality

Писатель создает тексты. В самом обиходном понимании этого слова – некоторый связный словесный продукт любой протяженности, любой формы и любого содержания, который фиксируется как нечто целое в звуковом, печатном или электронном виде. Цель создания и презентации этого продукта – сообщить читателю (слушающему) нечто, что писатель считает важным для себя – и, в идеале, для читателя. Таким образом, текст – «результат целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла... это сложное речевое целое... отдельно взятые существенный признаки этого целого (текстовые категории) образуют коммуникативную систему...» [1, с. 352]. Если в этом определении слово «речевое» заменить на слово «языковое», то, в принципе, для наших рассуждений это будет приемлемо и достаточно.

Для нас самое главное, что текст создается автором не как самоцель, самовыражение, а как явление «для коммуникации» между автором и читателем. Как отмечал М. М. Бахтин, «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст» [2, с. 284]. Реальный текст представляет собой всеобщую форму общения людей, и проявить свою сущность он может только на рубеже сознаний. Отсюда вытекает и развитая М. М. Бахтиным идея диалогической сущности текста как генератора смысла. Внутренне «диалогичен» и сам текст. С одной стороны, каждый текст

имеет в своей основе общепонятную и «общепонимаемую» знаковую систему, т. е. язык. С другой – каждый текст индивидуален, возникает здесь и сейчас, в определенное время и в определенном контексте.

Но из этого следует важный, на наш взгляд, вопрос: если изменяется «здесь и сейчас», то что происходит с текстом как единицей коммуникации? К функциям текста Ю. М. Лотман относит:

- 1) обеспечение общения между адресантом и адресатом, передача информации от одного к другому;
- 2) обеспечение общения между аудиторией и культурной традицией, аккумуляция коллективной культурной памяти;
- 3) обеспечение общения читателя с самим собой, и тем самым изменение его структурной самоориентации и степени его связи с метакультурными конструкциями;
- 4) обеспечение общения читателя с книгой как равноправным собеседником;
- 5) обеспечение общения между текстом и культурным контекстом, текст может выступать как модель культуры, а также как автономная культурная личность» [3, с. 136].

Поддерживая идею Ю.М. Лотмана о том, что текст является важнейшим антиэнтропийным механизмом, созданным человеком в противопоставление хаосу, В. Руднев отмечает: «Любой текст есть сигнал, передающий информацию и тем самым уменьшающий, исчерпывающий количество энтропии в мире. Таким образом, поскольку любой предмет реальности в нашем мире изменяется во времени в сторону увеличения энтропии, а текст ее исчерпывает, то, следовательно, можно считать, что сам текст движется во времени в противоположном направлении, в направлении уменьшения энтропии и накопления информации» [4]. Таким образом, чем старше текст, тем больше информации заключено в нем. Но из этого объективно вытекает и справедливость постструктуралистской теории парадигмы культуры и понимания и текста как сложной единицы: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем...» [Цит. по: 5, с. 100–101]. Базовым, всеобъемлющим в этом рассуждении нам представляется понятие «знаки культуры». Они отражают семиотическую функцию культуры, и традиционно выделяется пять типов таких знаков:

- 1) естественные знаки, знаки-признаки ориентации в природной среде;
- 2) функциональные знаки – знаки деятельности людей; кодирование и декодирование функциональных знаков;
- 3) конвенциональные (условные) знаки – знаки-сигналы, знаки-индексы, знаки-образцы;
- 4) иконические – знаки-образы, знаки-символы с историко-культурным смыслом;
- 5) вербальные знаковые системы – естественные языки.

В данной работе мы обращаемся прежде всего к первой группе знаков – знакам-признакам ориентации в природной среде. Эти знаки являются одним из базовых элементов любого художественного текста, созданного на определенном языке и принадлежащего определенной культуре. «Материальное пространство» произведения организуется использованием знаков культуры, по нашему мнению, в трех основных целях:

- 1) воспроизведение действительности;
- 2) воссоздание действительности;
- 3) создание действительности.

Воспроизведение действительности – последовательное использование национально детерминированных реальных признаков ориентации в природной среде с целью обеспечения общения между адресантом и адресатом, передача информации от одного к другому. Реализация этой цели подразумевает корректную фиксацию адресантом реальности, соответствующую ее материальному воплощению, и аутентичное знание этой реальности адресатом. Воспроизведение действительности

можно рассматривать как передачу в ходе коммуникации между адресантом и адресатом стереотипных знаков общей для них культуры.

Люда Величко родилась и росла в провинции, в одном из среднерусских неперспективных городков. Одна фабрика, лесопильный завод, вязальная мастерская, комбинат бытового обслуживания. В так называемом центре – несколько каменных зданий. Полуразрушенная церковь со срезанным куполом, превращенная, как водится, в склад; вокруг нее кладбище с железными крестами и бумажными розами. Ленивая, медленная река с мутной черной водой, отравленной фабричными стоками...

Люда нигде не бывала, кроме своего городка, а остальной мир представляла себе по книгам и кинофильмам. Из всего этого составилась у нее в воображении образ какой-то другой, нездешней, яркой жизни. Были там ограды, перевитые плющом и розами, беседки, павильоны, лестницы, мягкими уступами спускающиеся к реке, смеющиеся, белозубые, ярко одетые люди. (И. Грекова. Кафедра)

Воссоздание действительности – использование в тексте знаков определенной культуры, которые в совокупности со знаками реальной культуры адресата позволяют воспринимать ему представленную в тексте «квази-действительность» как объективно соответствующую осуществляемой в ней коммуникации. Любое произведение исторического характера, произведение, действие которого происходит в не родной для адресанта и адресата культуре, происходит в рамках той действительности, которую воссоздает адресант на уровне своего знания знаков этой действительности, и на этом же уровне эти знаки культуры воспринимаются адресатом.

В семь часов утра нас разбудили стук в дверь и бодрый голос Друга Народов:

– Через двадцать минут в штабном номере утренняя оперативка. Явка строго обязательна!

Потом мы слышали, как он барабанит в соседний номер и объявляет то же самое. Пришлось подниматься.

– Как ты думаешь, – спросил меня Спецкор, выглядывая из ванной с зубной щеткой в руке, – Буров действительно дурак или прикидывается?

– Не знаю... Окончательно выяснится, когда он доберется до самого верха...

– И в этом наша трагедия! – покивал Спецкор.

В номере рукспецтургруппы собрались все, кроме Поэта-метеориста и Пейзанки. Побледневшая Алла шепнула мне, что провозилась со своей соседкой почти целую ночь: таблетками отпаивала, утешала, чуть не колыбельные пела, та вроде бы успокоилась, но из отеля выходить наотрез отказывается – боится новых впечатлений.

Пока товарищ Буров признавал минувший день удовлетворительным и распространялся по поводу укрепления дисциплины в группе, Торгонавт рассказал, что Поэт-метеорист пропил в баре свои франки, теперь не может голову оторвать от подушки, умоляет принести опохмелиться и обещает вернуть с премии. Одним словом, «белка» – белая горячка.

На утренней планерке постановили: Поэта-метеориста и Пейзанку оставить в покое, так как он не может выйти из номера, а она – не хочет.

Шведский стол – уникальная возможность из пестрой толпы завтракающих людей выявить соотечественников. Если человек наложил в свою тарелку сыр, ветчину, колбасу, кукурузные хлопья, булочки, пирожные, яблоки, груши, бананы, киви, яичницу-глазунью, а сверху все это полил красным соусом, – можешь, не колеблясь, подойти к такому господину, хлопнуть по плечу и сказать: «Здорово, земляк! Мы из Москвы. А ты?» Но судя по всему, кроме нас, советских в отеле больше не было.

Наевшись до ненависти к себе, мы отправились в автобусную экскурсию по городу: Елисейские поля, Тюильри, Собор Парижской Богоматери. Центр Помпиду... Мадам Лану неутомимо объясняла, что, кем и когда было построено, кто, где и когда родился, жил, умер.

– Такое впечатление, что они домов не ломают, а только строят новые, – глядя в окошко, заметила Алла.

– Для того, чтобы сломать дом, его нужно купить, – объяснил Спецкор.

– Ну, тогда бы они разорились на одном нашем Калининском проспекте! – вставил я и поймал настороженный взгляд Диаматыча.

Подъехали к Эйфелевой башне. Вблизи она напоминала гигантскую опору линии электропередач. Мадам Лану рассказала, что поначалу французы были резко против этого чуда инженерной мысли, но потом привыкли и даже полюбили. А к двухсотлетию Великой Французской революции башню должны отремонтировать.

– Тоже к круглым датам пену гонят! – не удержался я.

– Это – общечеловеческое! – добавил Спецкор.

– Вы мешаете слушать! – сердито одернул нас Диаматыч.

Я глянул на Спецкора с выражением, означавшим: «Ну, теперь-то ты убедился?» Он ответил мне движением бровей, которое можно было перевести так: «Возможно, ты не так уж далек от истины, сосед!»

Мадам Лану объяснила, что подъем на башню программой не предусмотрен, но у нас будет свободное время, и каждый сможет насладиться незабываемой панорамой Парижа. Стоит это недорого – 35 франков. По тому, как все переглянулись, я понял: никто, включая меня, не насладится незабываемой панорамой, предпочитая памяти сердца грубые потребительские радости.

Обедать нас повели в китайский ресторанчик, перед входом в который стоял большой картонный дракоша и держал в лапках рекламу, обещающую роскошный обед всего лишь за 39 франков 99 сантимов. Обед был действительно очень вкусный, но впечатление подпортил Спецкор, сболтнувший, будто изумительное мясное рагу приготовлено из собаки. Особенно переживала Алла, ибо дома у нее остался не только сын Миша, но и пудель Гавриил.

Потом был музей Орсе. Перед входом, на площадке, окаймленной каменными фигурами, выстроилась довольно приличная очередь.

– Ура! – закричал Торгонавт. – Я выиграл!

– Я бы вам не отдал коньяк! – огорошил его Спецкор. – Очередь за искусством – это святое...

Мадам Лану объяснила, что раньше здесь был обыкновенный вокзал, но со временем необходимость в нем отпала и его переоборудовали в музей искусства XIX века.

– Они из вокзалов – музей, а мы из музеев вокзалы! – сказал я.

– Молодой человек, вы забываете, где находитесь! – возмущился Диаматыч.

Он уже вспомнил и больше не будет! – поручился за меня Спецкор, а бровями показал: «Да, сосед, ты абсолютно прав!»

Когда мы вошли в музей с высоким переплетчато-прозрачным, как у нас в ГУМе, потолком, мадам Лану разъяснила, где что можно посмотреть, и вручила каждому по бесплатному проспекту. Мы разбрелись кто куда. Пипа Суринамская завистливо бродила возле портретов салонных красавиц и внимательно разглядывала их туалеты. Гегемон Толя пошел искать WC и застрял возле крепкотелых майолевских женщин. Товарищ Буров и Друг Народов остановились возле «Олимпии» и заспорили, сколько она могла бы потянуть на аукционе в Сотби. Удивил Торгонавт: он рассматривал картины через сложенную трубочкой ладонь и приговаривал: «Какие переходы! Какой мазок!» Увидев нас, он обрадовался и повел показывать «умопомрачительного» Пюви де Шаванна. При этом он возмущался тем расхожим мнением, которое бытует о торговых работниках, а ведь среди них есть люди тонкие, образованные. В частности, он, Торгонавт, уже много лет собирает молодой московский авангард. (Ю. Поляков. Парижская любовь Кости Гуманкова)

Создание действительности – использование в тексте различных по культурной принадлежности знаков, объединяемых на отличных от их базовых принципах исходных культур, что приводит к созданию некоторой «виртуальной действительности», которая, однако, именно из-за присутствия в ее создании реальных знаков, воспринимается адресатом именно как «действительность» данного текста.

Никита Иваныч и с ним другой Прежний, Лев Львович, из диссидентов, сидели за столом и пили ржавь. Видать, давно пили и набрались хорошо: личики красные, бормочут чепуху.

Бенедикт снял шапку.

– Доброго здоровьичка.

– Беня?! Беня! Да ты ли это?! – Обрадовался, засуетился. – Сколько лет, сколько зим! Нет, правда? Год, два?.. С ума сойти... Знакомы? Бенедикт Карпов, наш скульптор, народный Опекушин.

Лев Львович посмотрел с сомнением, будто и не узнал, будто сам когда-то Пушкина нести не помогал; личико покривил:

– Кудеяровых зять?

– Ага.

– Слышал, слышал про ваш мезальянс.

– Спасибо, – поблагодарил Бенедикт. Даже растрогался. Слышали, значит.

Сел, Прежние подвинулись. Теснота, конечно. Вроде избушка с прошлого раза меньше стала. Свечка чадит, натекает, тени пляшут. Стены закопченные. На столе тоже нищета: жбан, да кружки, да горошку тарелка. Налили Бенедикту.

– Ну, что же ты?.. Как?.. Ну ты подумай... А мы сидим вот, выпиваем... О жизни беседуем... О прошлом... То есть, конечно, и о будущем тоже... Вот о Пушкине нашем... Как мы его ваяли, а? Как воздвигали! Какое событие! Эпохальное! Восстановление святынь! Историческая веха! Теперь он снова с нами. А ведь Пушкин, Беня, Пушкин – это наше все! Все! Вот ты об этом подумай, запомни и усвой... Но – представляешь, жалость какая. Он уже требует реставрации...

– Чего он требует?!.. – привстал Бенедикт.

– Чинить, чинить его надо! Дожди, снег, птицы... Вот если б он был каменный! О бронзе я уж молчу, до бронзы еще дожить надо... И потом, народ – народ совершенно дичайший: привязали веревку, вешают на певца свободы белье! Исподнее, наволочки, – дикость!

– Да вы ж сами хотели, чтоб народная тропа не зарастала, Никита Иваныч! А теперь жалуется.

– Ах, Боже мой, Беня... Но это же в переносном смысле.

– Пожалуйста, перенесем куда скажете. Холопов пригоню. На санях тоже можно.

– О Боже мой, Господи, царица небесная...

– Нужен ксерокс. – Это Лев Львович, мрачный.

– Не далее как сто лет назад вы говорили, что нужен факс. Что Запад нам поможет. – Это Никита Иваныч.

– Правильно, но ирония в том...

– Ирония в том, что Запада нету.

– Что значит нету! – рассердился Лев Львович. – Запад всегда есть.

– Но мы про это знать не можем.

– Нет уж, позвольте! Мы-то знаем. Это они про нас ничего не знают.

– Для вас это новость?

Лев Львович еще больше помрачнел и ковырял стол.

– Сейчас главное – ксерокс.

– Да почему же, почему?!

– Потому что сказано: плодитесь и размножайтесь! – Лев Львович поднял длинный палец. – Размножайтесь!

– Ну как вы мыслите, – Никита Иваныч спрашивает, – ну будь у вас и факс и ксерокс. В теперешних условиях. Предположим. Хотя и невероятно. Что вы с ними делали. Как вы собираетесь бороться за свободу факсом? Ну?

– Помилуйте. Да очень просто. Беру альбом Дюрера.. Это к примеру. Черно-белый, но это не важно. Беру ксерокс, делаю копию. Размножаю. Беру факс, посылаю копию на Запад. Там смотрят: что такое! Их национальное сокровище. Они мне факс: верните национальное сокровище сию минуту! А я им: придите и возьмите. Володейте. Вот вам и международные контакты, и дипломатические переговоры, да все что угодно! Кофе, мощные дороги. Вспомните, Никита Иваныч... Рубашки с запонками. Конференции...

- Конфронтации...
- Гуманитарный рис шлифованный...
- Порновидео...
- Джинсы...
- Террористы...
- Обязательно. Жалобы в ООН. Политические голодовки. Международный суд в Гааге.
- Гааги нету.

Лев Львович сильно помотал головой, даже свечное пламя заметалось:

- Не расстраивайте меня, Никита Иванович. Не говорите таких ужасных вещей. Это Домострой.

- Нет Гааги, голубчик. И не было.

Лев Львович заплакал пьяными слезами, стукнул кулаком по столу – горошек подскочил на тарелке.

- Неправда! Не верю! Запад нам поможет!

- Сами должны, собственными силами!

- Не первый раз замечаю за вами националистические настроения! Вы славянофил!

- Я, знаете...

- Славянофил, славянофил! Не спорьте!

- Чаю духовного возрождения!

- Самиздат нужен.

- Но Лев Львович! Но самиздат у нас и так цвет пышным цветом. Вы же сами в свое время настаивали, не правда ли, что это основное. И вот, пожалуйста, – духовной жизни никакой. Значит, не в том дело.

- У меня жизнь духовная, – кашлянул Бенедикт.

- В каком смысле?

- Мышей не ем.

- Ну и?..

- В рот не беру. Только птицу. Мясо. Пирожок иногда. Блины. Грибыши, конечно. Соловей «маршал» в кляре, хвощи по-савойски. Форшмак из снегурей. Парфэ из огнецов а ля лионнэз. Опосля – сыр и фрукты. Все.

Прежние молчали и смотрели на него в четыре глаза. (Т. Толстая. Кысь)

Практически всегда существующие различия между знанием знаков культуры между адресантом и адресатом приводят, на наш взгляд, к тому, что во всех трех случаях существует и некий «латентный текст» – латентный текст в воспроизведении действительности, воссоздании действительности и создании действительности. Его латентность определяется различиями в знании именно естественных, материальных знаков культуры участниками коммуникации, а не на уровне функциональных, конвенциональных, иконических и вербальных знаков.

...Он сурово отсекал мокрые пряди, приподнимал их, подкалывал, расчесывал, снова резал. Прошло с полчаса. Он заговорил:

- Если не ошибаюсь, вы сказали, что Виталик говорить нельзя. А как, например, Эдик? Есть такое имя – Эдик? У меня, между прочим, товарищ Эдик.

- Вероятно, он Эдуард.

- Эдуард – это же не русское имя?

- Нет, не русское.

- Откуда же у нас, русских, такое имя?

- Была такая мода одно время, по-моему, глупая.

- А у вас дети есть?

- Два сына.

- Какого возраста?

- Старшему двадцать два, младшему двадцать.

- Как и мне. Мне тоже двадцать, двадцать первый. А как ваших детей зовут?

- Коля и Костя. Простые русские имена. Самые хорошие.

- А я думал, интереснее Толик или Эдик. Или еще Славик.

– Это вам только кажется. Когда у вас будут дети, я вам советую назвать их самыми простыми именами: Ваня, Маша...

Это его позабавило. Не знаю, простые ли имена, или идея, что у него будут дети.

Он все еще стриг. Сколько времени, оказывается, нужно, чтобы облованить одну женскую голову...

– Скоро? – спросила я.

– Ниже голову. Нет, еще не скоро. Операция сложная. Извините, если я вас спрошу. Вот вы упомянули в своем разговоре несколько имен и фамилий: Николай, кажется, Ростовский, Андрей Болконский и еще Пьер... Как будто Пьер. Какая его фамилия?

– Пьер Безухов.

– Так вот, я хотел вас спросить: Пьер – это разве русское имя?

– Нет, французское. По-русски Петр.

– Так вот вы, кажется, упомянули выражение, что Виталик или, скажем, Эдик не в духе русского языка. А сами употребили такое французское имя, как Пьер.

Ай да парень! Поймал-таки меня. Думал-думал и поймал.

– Да, вы правы. Мой пример не совсем оказался удачен.

– И какие это люди, о которых вы говорите? Андрей, и Николай, и Пьер? Они русские?

– Русские. Но, знаете, в те времена в высшем обществе было принято говорить по-французски.

– А в какие это времена?

– Во времена «Войны и мира».

– Какой войны? Первой империалистической?

Я чуть не засмеялась, но он был очень серьезен. Я видела в зеркале его строгое озабоченное лицо.

– Виталий, разве вы никогда не читали "Войны и мира"?

– А чье это произведение?

– Льва Толстого.

– Постойте. – Он снова вынул записную книжку и стал ее листать. – Ага. Вот оно, записано: Лев Толстой, "Война и мир". Это произведение у меня в плане проставлено. Я над своим общим развитием работаю по плану.

– А разве вы в школе "Войну и мир" не проходили?

– Мне школу не удалось закончить. Жизнь предъявляла свои требования. Отец у меня сильно пьющий и мачеха слишком религиозная. Чтобы не сидеть у них на шее, мне не удалось закончить свое образование, и я, в сущности, имею неполных семь классов, но окончание образования входит в мой план. Пока не удастся заняться этим вплотную из-за квартирного вопроса, но все же я повышаю свой уровень, читаю разные произведения согласно плана". (И. Грекова. Дамский мастер)

Ранее мы уже писали о нашем понимании коммуникации. Реальная коммуникация содержит три не сливаемых, но и не расторгимых составляющих: саму действительность, в сфере которой и на основаниях которой она осуществляется, и две других составляющих, обеспечивающих ее содержательно-языковую основу (так как текст во всех его проявлениях, даже в «образе» неотрывен от языка) и содержательно-речевую основу (собственно вербальное – и, обычно, с невербальным компонентом) взаимодействие участников коммуникации [6, с. 224]. И можно, на наш взгляд, говорить о примате именно действительности, что свидетельствует о том, что и знаки культуры являются базовым элементом в текстовой коммуникации адресата и адресанта. Чем старше текст, тем больше информации заключено в нем. Но из этого объективно вытекает и справедливость постструктуралистской теории парадигмы культуры и понимания текста как сложной единицы: каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры... Поэтому нельзя не признать, что специфика насыщенности текстов знаками культуры во времени проявляется в том, что, чем дальше отстоят во времени друг от друга адресант и адресат, любой текст постепенно начинает трансформировать для каждого нового поколения

читателей из реального, воспроизводящего действительность в текст, воссоздающий действительность, и со временем, в текст, создающий действительность.

Если это так, то, естественно, еще важнее становится понимание знаков культуры и создаваемых на их основе текстов в процессе обучения иностранцев. Для них любой текст иной культуры (берем только на уровне материальных знаков культуры, а не языковых знаков) изначально является созданным или воссоздаваемым текстом с безусловным латентным характером.

Ссылки / Reference

- [1] Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003.
- [2] Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- [3] Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.
- [4] Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М., 2000. С. 14–15.
- [5] Языкознание: Взгляд в будущее. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002.
- [6] Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009.